

О походѣ на Горькаго.

Петербургскій корреспондентъ *Одес. Новос.* пишетъ:

„Неуспѣхъ „На днѣ“—это все же самое крупное, крикливое и даже шумное, что есть у насъ.

Примѣшалось къ этому и некрасивое... Слишкомъ уже ясно видно, какъ многимъ хочется свалить Горькаго и поставить на его мѣсто какого-нибудь начинающаго писателя, лѣтъ 70-ти отъ роду, „сохранившаго среди всѣхъ испытаній вѣрность и предавность лучшимъ традиціямъ прошлаго“.

Театральная исторія, благодаря имени Горькаго, становится исторіей нашей общественной жизни. Многие серьезные люди спрашиваютъ себя: конецъ-ли это тому новому, что начато Горькимъ?

Далеко бьютъ, только думается—мимо.

Ничего существеннаго еще не сказали, а просто обрадовались такому фурорному скандалу. Ничего существеннаго, много—виновать за выраженіе—неумваго.

П. И. Вейнбергъ, напр., вѣщаетъ: „Изъ другихъ типовъ баронъ прямо невѣренъ: такіе люди опускаются не до ночлежки, а до шуллерства, шантажа и вообще широкаго дна; баронъ психологически невѣренъ“.

Начать съ того, что до шуллерства и шантажа баронъ уже опустился, что касается до „ночлежки“—то и въ этомъ ничего удивительнаго. Я какъ разъ совершенно случайно знаю одного такого подлиннаго барона, добродушнаго, безвольнаго человѣка, пропадающаго теперь въ двухрублевомъ углу. Когда же его выгоняютъ изъ угла, онъ вочуетъ въ паркахъ, на баржахъ, въ притонахъ. Лѣвъ и водка довели его до такого состоянія. Это баронъ Г—къ. Помочь ему, кажется, уже никакъ нельзя: нѣтъ безъ просыпа, а деньги на водку зарабатываетъ бумагами и прошеніями. Этотъ баронъ одинаково на послѣдней ступени человѣческаго паденія: ниже спуститься нельзя—некуда. Прощ-

лое, роловитое въ немъ стерлось, осталась ка-кая то крупица гордости, что онъ—баронъ... Во всемъ остальномъ—голый человѣкъ...

Но это мимоходомъ. Возвращаясь къ тому, съ чего началъ, замѣчу, что многіе радостно и торопливо ухватились за какую то вдругъ объявившуюся возможность „свалить Горькаго“. Что говорить—негодія обширная. Только при-слушиваясь тамъ и здѣсь къ этимъ разсужде-ніямъ, сопровождаемымъ естественно и необхо-димо вздохами сожалѣнія, я спокойно и хлад-нокровно говорю: „мало каши ѣли“...

Потомъ, еще два слова объ одной чертѣ или черточкѣ Горькаго. Одинъ изъ его геро-евъ говоритъ: „барство—это оспа: болѣзнь пройдетъ, а рябина остается“. Удивительныя слова, опять-таки до послѣдней степени ха-рактерныя для всей нашей прошлой литерату-ры! Какъ хотите, а вѣдь главная ея сила вскормлены и вскормлены крѣпостной еще Россіей, главная ея сила—барскія. Правда, мы гордимся разночинцемъ 80 хъ годовъ, но если вы вспомните, какъ скоро онъ сошелъ со сцены, вы поймете, что явился онъ слишкомъ рано и своего у него дѣла очень мало. Онъ крикнулъ, но не высказался. Въ лицѣ Успенскаго, Злато-вратскаго и большей части литературы 70-хъ годовъ онъ быстро подчинился идеямъ вышшаго культурнаго слоя, конечно, благороднѣйшихъ его представителей. А тѣ гуманные, просвѣ-щенные, передозы, даже отрeksiеся отъ себя и своего барства, въ мукахъ чуткой совѣсти переболѣвшіе барскую болѣзнь, все же сохра-няли „рябины“.

Я думаю, что Горькій первый освободился изъ-подъ барскаго литературнаго вліянія, пер-вый развернулъ содержаніе непривилегирован-ной Руси. Онъ первый мужикъ-писатель, какъ назвалъ его Л. Толстой въ одномъ изъ разго-воровъ съ В. А. П—е.

У него нѣтъ переѣвовъ. Не добро, не счастье, не любовь къ ближнему проповѣдуетъ онъ—а прежде и больше всего справедливость. Даже холодную, нѣсколько жестокую справед-ливость, которая не только любовь, а и воз-мездіе...

Онъ противъ жалости, которая „унижаетъ человѣка“, потому что всякій жалѣющій—на того, кого жалѣетъ, смотритъ свысока. Вотъ этого то чувства превосходства, самоудовлет-воренности Горькій и не прощаетъ жалости... Оттого такъ часто вѣетъ холодкомъ съ напи-санныхъ имъ страницъ.

Только справедливость, а не жалость могутъ сдѣлать людей сильными.

Это, повторяю, холодно, но гордо.

Года три тому назадъ мнѣ пришлось разго-вориться съ Горькимъ о только что закончен-номъ имъ романѣ „Ома Гордѣевъ“...

— Жестоко вы съ Омой поступили, Алек-сѣй Максимовичъ, сказалъ я... Мы, признатъ-ся, ждали, что вы ему лучшую участь приго-товите... А то—идіотъ и ничего больше... Не пожалѣли вы его...

— Какъ не жалѣть... жалѣлъ... Оттого такъ и закончилъ...

И, усмѣхнувшись, разсказалъ такой эпизодъ. Былъ у него знакомый докторъ, который, идя разъ по улицѣ, набрелъ на собаченку съ пере-ломанными ногами. Визжитъ несчастная, глаза слезятся... Взялъ ее докторъ къ себѣ на домъ—слишкомъ ужъ жалкая—и началъ съ ней возиться. Долго возился, самъ ей перевязку всегда дѣлалъ, и бывало, какъ подходитъ къ ней покормить или перевязать—она все виз-жить, точно боится, что пристукнуть ее, и все о снисхожденіи молить... Наконецъ, выздо-ровѣла—и что же?.. Какъ посмотреть на нее, или руку прстянуть, чтобы приласкать или просто мимо пройти—она сейчасъ на спину и лапки вытянетъ и дрожить вся и скулить и ноетъ безъ конца... Въ вѣчномъ ужасѣ нес-частная пребывала и все молила пощадить ее... Жалѣлъ ее докторъ. Только въ одну скверную минуту такъ она разжалобила и разозлила его своей беспомощностью, что взялъ и хватилъ онъ ее сапогомъ. На мѣстѣ уложилъ...

— Жалѣніе то оно всегда чѣмъ нибудь та-кимъ кончается—опять, улыбувшись, добавилъ Горькій...

Эпизодъ, какъ хотите, нравоучительный и въ немъ—другая программа, безъ рябины... Помогать нужно, какъ равный равному, изъ уваженія къ идеѣ человѣка, а не для упраж-ненія своей добродѣтели, своего превосход-ства...

Общественная справедливость, а не филан-тропія...

Впрочемъ, это уже философія...

Переходя къ фактамъ, скажу, что всѣ мѣста на пьесѣ Горькаго заняты и даже проходы въ верхнихъ ярусахъ биткомъ набиты „зайцами“...

Даже вчера, 13-го, несмотря на учетверенныя, по случаю благотворительнаго спектакля, цѣны—театръ былъ переполненъ.

Собралась самая фешенебельная публика. Брильянтовъ, драгоценностей было на мил-ліоны...

Что этой вотъ публикѣ надо въ „ночлежкѣ“? Помнится, въ Парижѣ лѣтъ 10 тому назадъ была мода, которую я наблюдалъ: по утрамъ къ моргу съѣзжались развинченныя дамы Сен-Жерменскаго предмѣстья и по долгу рассматри-вали лежавшихъ за стеклами покойниковъ, бе-зобразныхъ, распухшихъ, въ язвахъ... Какое то въ этомъ находили ощущеніе...

И у насъ какъ будто то же самое. Смот-рять, затаивъ дыханіе. Жалѣютъ, что не такъ ужасно, что Сатинъ, баронъ, Губновъ, такъ легко живутъ... Хотѣлось бы ужасовъ поболь-ше, позабористѣе, чтобы морозъ по кожѣ...

И эти уходятъ неудовлетворенныя. А газет-ная травля пьесы идетъ своимъ чередомъ, пе-ремѣшиваясь со сплетнями.